

возможно, поддерживало очень сильное чувство присутствия Бога и которая требовала от диалектики всех подтверждений этого. Во всяком случае, примечательно, что все его последователи поняли это. Ибо Экхарт оставил учеников, и совсем не случайно, что эти ученики находились в то же время в рядах учителей христианской духовности. Если бы умозрение Экхарта не было для нее плодотворной почвой, то вероучительные осуждения, объектом которых оно стало, положили бы конец его истории. В крайнем случае оно продолжало бы оказывать свое воздействие и века спустя, как произошло с учением Эриугены и как произойдет с идеями Николая Кузанского — скорее в спекулятивном плане, нежели на практической почве. Но так не произошло. Имена и сочинения Иоганна Таулера (Tauler, 1300—1361), Генриха Сузо (Suso, 1300—1365) и Иоганна ван Рейсбрука (или Яна из Рейсбрука) (Ruysbroek, Ruusbroec, 1293—1381) свидетельствуют о глубоком резонансе, который вызвала доктрина Экхарта в людях, духовная жизнь которых, несомненно, достигала весьма значительных высот. Трудно понять, как стала бы возможной такая преемственность, если бы у Экхарта не было ничего, чему мог поверить и что мог бы обнаружить, например, Таулер.

После Таулера остался сборник проповедей*, где выражается мистика внутренней жизни, изучение которой раскроет перед нами только теологию, если мы не обратим внимания на явное преобладание психологических тем, столь знакомых читателям сочинений Альберта Великого и его последователей. Главное здесь — доктрина «днища души», или «вершины души» — образные выражения, посредством которых «просвечивают» «*abditum mentis*» («недра духа»)

и «*apex mentis*» («вершина духа») августинцев. В самом деле, то, что таким образом обозначает Таулер, не имеет имени, ибо это есть не что иное, как интимное родство души с Богом, а поскольку Бог не имеет имени, то такая душа — находящаяся за пределами всех способностей, внутри самой своей сущности, где непрестанно царствуют молчание и покой, без образа, без знания, без действия, чистая восприимчивость к божественному свету и сущностная возможность мистического созерцания — тоже остается тайной. Сам Таулер сообщает нам источники этой доктрины в главной части своих проповедей: «Об этом внутреннем благородстве, спрятанном в глубине души, говорили многие древние и современные учителя: епископ Альберт (Великий), магистр Дитрих (из Фрейберга), магистр Экхарт. Один называет это искрой души, другой — глубиной души или высотой души, третий — началом души. Что касается епископа Альберта, то он называет это благородство образом, в котором представлена и где пребывает Святая Троица. Эта искра устремляется к вершинам, где и находится ее подлинное место, за пределы этого мира, куда ум не может за ней последовать, ибо он не пребывает в покое, пока не будет повернут в Глубину, откуда он происходит и где он пребывал в своем нетварном состоянии».

Из этого отрывка мы видим, что мистика Таулера заключается в том, чтобы обеспечить сотворенной Богом душе возможность возвращения к своей нетварной идее в Боге. Эта дионисиевская и эриугеновская тема прикрыта здесь формулировками, заимствованными у современных учителей, вдохновивших Таулера. Между глубиной души и ее способностями в собственном смысле помещается «*Genriit*»**, то есть нечто, что можно приблизительно передать паскалевским словом «сердце». Таулер понимает под этим словом устойчивое расположение души, которое обуславливает дурное или доброе упражнение ее способностей. Если *Gemiit* обращается к сущности души и, следовательно, к Богу, то в душе есть все надлежащее,